

Наталья Горбачева
МОИ ДРУЗЬЯ
СВЯТЫЕ

*Рассказы о святых
и верующих*

Рассказы о святых и верующих

Наталья Горбачева

**Мои друзья святые. Рассказы
о святых и верующих**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 23/28
ББК 86.372

Горбачева Н. Б.

Мои друзья святые. Рассказы о святых и верующих /
Н. Б. Горбачева — «Издательство АСТ», 2019 — (Рассказы о
святых и верующих)

ISBN 978-5-17-112715-2

Перед вами новая книга известной и светскому, и воцерковленному читателю писательницы Натальи Горбачевой из уже полюбившейся серии «Рассказы о святых и верующих». Есть друзья настоящие, а есть истинные. Наши истинные друзья – святые. Но как научиться узнавать этих друзей, общаться с ними, вы поймете, прочитав эту книгу. Вас ждет рассказ про знаменитую игуменью Горненского монастыря Георгию (Шукину): о ее блокадном детстве и о чуде спасения. Неизвестные ранее подробности жизни блаженной Ксении Петербуржской и ее новые чудеса. Ждет вас и Рождественская история о погибающем человеке, которая заканчивается счастливым образом... Путь к Богу не усыпан розами. Как ищут и находят эту дорогу самые обычные люди, рассказывает эта книга.

УДК 23/28

ББК 86.372

ISBN 978-5-17-112715-2

© Горбачева Н. Б., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

К читателю	6
Великие пророки	7
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Наталья Горбачева
Мои друзья святые
Рассказы о святых и верующих

© Горбачева Н., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

К читателю

Несмотря на внешнюю простоту, обыденность, «житейскость» рассказов Натальи Горбачевой, в них сокрыты глубокие духовные, даже аскетические истины. Вот, например, автор пытается достучаться до своего крестника, который нацепил на себя несвойственный ему имидж «делового человека». В дружеской беседе звучат горькие высказывания крестной матери о том, что «работа над имиджем заменяет человеку работу над собой. Вместо того чтобы заглянуть в себя, найти то, с чем нельзя мириться... человек начинает делать вид, что он уже такой, каким ему хотелось бы себя видеть». За этим и другими разговорами героев проступает попытка привлечь внимание к важному святоотеческому учению о подлинной человеческой личности, сокрытой (часто для самого человека!) за личиной страстей. То, что обычный человек считает своим «я», как правило, является набором различных его страстей. Однако познать это можно только подвигом христианской жизни.

Тьмы обесценившихся ныне и праздных слов стоит одно только описание внешнего вида и поведения горненской игумении Георгии в рассказе о ее монашеском пути: чистота у матушки даже в походке; перед таким человеком лишнего себе не позволишь. «У нее – ровное отношение ко всем... мягкость, настоящая человечность». Вот пример для подражания: когда матушка чем-то недовольна, она никогда этого не обнаружит перед людьми, в крайнем случае просто уединится, чтобы никого не смутить. Так живут люди, постоянно чувствующие себя в присутствии Божиим. А это, как учит святитель Феофан Затворник, и есть воплощение в жизнь заповеди о непрестанной молитве. Бывает достаточным показать сладкий плод ничем не омрачаемого душевного мира, полученный человеком от исполнения заповеди, чтобы посеять в других сердцах стремление подражать благому примеру.

Богословские сочинения и даже самые замечательные проповеди в наше время часто оказываются бездейственными, поскольку современный человек разучился слушать и слышать слово Божие. Несомненно, рассказы известной писательницы делают слово Божие доступным. Происходит это потому, что авторское слово точно и правдиво, истории не выдуманы, опытно прожиты и здраво с точки зрения евангельских истин изложены. Наблюдать за жизнью верующей души, избравшей в друзья святых, захватывающе, полезно и поучительно.

*Н.Н. Павлюченков, кандидат богословия,
кандидат философских наук,
преподаватель миссионерского факультета ПСТГУ*

Великие пророки

Это был исторический звонок. Михаил Абрамович, директор крупного издательства, лично позвонил мне и весело сказал:

– Бросаем тебя на амбразуру...

– Почему меня-то опять! – захныкала я, потому что сердце опустилось куда-то в пятки. Начинается...

– Выживешь, – утешил Михаил Абрамович, за глаза называемый МихАбром. – Мы тут серию затеяли, под названием «Великие пророки...»

– Библейские, что ли? – радостно удивилась я.

– Не умничай, – строго ответил он. – Даю наводку, думай до завтра. Надо про Серафима Саровского написать...

– Пре-пре-преподобного? – от неожиданности предложения я стала заикаться.

– Что ты там бормочешь? Не слышала о таком? Русский святой или я что-то путаю? – смутился и МихАбр.

– Но он не пророк, он пре-по-доб-ный. Святой монах.

– Понятно. Опять умничаешь, – общо выругал меня МихАбр. – Нам без разницы, это твоя задача повернуть так, чтобы он оказался пророком. Серия такая, ясно? И предупреждаю: проповедь твою не пропущу, – он облегченно вздохнул, поставив мне очередной иезуитский капкан. – Завтра в полдень как штык у меня.

«Без проповеди» – обычная в мой адрес «страшилка» МихАбра. Ладно бы, если дело касалось повести или романа, даже исторического, но чтобы в жизнеописании святого обойтись без проповеди – тут, конечно, постараться надо... Святые – они без слов проповедуют самой своей жизнью.

Но время ведь какое было? Середина девяностых годов прошлого века. Только-только стали возвращаться к народу сокровища его православной культуры: возрождались церковные приходы, возникали православные братства, открывались полуразрушенные храмы и монастыри, из-под спуда на свет Божий извлекалась дореволюционного издания житийная и свято-отеческая литература. Современных книг христианской тематики почти не было. Трудно было купить обычный молитвослов или разжиться церковным календарем... Редкие полуподпольные православные издательства только-только осваивали массовые тиражи вышедшей из употребления христианской литературы. Светские издательства еще и не задумывались об этом. МихАбр оказался в числе первых: как всегда свой издательский нос он держал по ветру, чутко реагируя на запросы общества. Я даже испытала некоторую гордость за издателя, всегда державшего меня в ежовых рукавицах.

За вечер эту радостную весть я растрезвонила всем своим хорошим знакомым и выслушала множество общих восторгов по поводу того, что теперь, наконец, стало видно, как по-настоящему дунул ветер перемен, наступила свобода совести, наметился выход из семидесятилетнего коммунистического плена, появилась надежда на возрождение России и прочая, прочая. Это действительно было время больших надежд. За пару часов знакомые возвели меня в ранг чуть ли не знамени благих перемен. Всем им была так близка мысль, что необходимо менять идеи в головах обезбожившихся соотечественников, что достигалось, в том числе и через книги христианского содержания...

– А вдруг не напишу? – поскуливала я.

– Напишешь, – отвечали мне. – Верим в тебя.

При последнем дружеском звонке я ясно осознала свою ошибку: сначала надо было книгу написать, а потом уже распространять радостную весть... Трудно было от этих ошибок удержаться, потому что в духовной жизни все мы тогда были сущими младенцами... И вот этому-то

«младенцу» предстояло писать про великого русского святого. Ночью долго не могла заснуть, переживала, вдруг не осилю – ведь никогда даже не предполагала, что придется писать о святых. Успокаивало только то, что именно про преподобного Серафима я очень много читала, в доме собралась небольшая библиотечка, в которой имелся даже двухтомный репринт знаменитой «Серафимо-Дивеевской летописи», написанной к прославлению Саровского чудотворца будущим священномучеником Серафимом (Чичаговым) и которую от корки до корки я успела прочесть несколько раз – так легла эта «Летопись» на душу. В конце концов, вспомнила я хорошие русские поговорки: «не боги горшки обжигают, а те же люди», «терпение и труд все перетрут»... Буду молиться преподобному, читать акафисты, месяца за четыре-пять разберусь и с Божией помощью напишу.

В кабинет МихАбра на сей раз я вошла без страха, зная, что он не будет меня мучить предложением написать «дамский» роман.

– Ну?! – сказал он свое знаменитое и сделал театральную паузу. – Готова?

– Не то, чтобы да... Ну и не то, чтобы нет, – весело ответила я.

– Даю месяц, – выговорил он.

– В смысле? – не поняла я.

– Через месяц рукопись должна лежать у меня на столе, чего тут непонятного. Страниц двести. Чудес насобирай, хоть на полкниги. Народ любит сказки. В общем, сообразишь, не маленькая.

Мне захотелось упасть в обморок. Но я только вжалась в спинку стула. МихАбр сделал вид, что разговор окончен.

– Ты еще здесь? – оторвался он от своих бумаг.

– Это невозможно, – сглотнула я.

– Опять не так: дали ей наконец писать про своих святых – недовольна... – применил свою безотказную наступательную тактику МихАбр.

– Срок нереальный...

– Какой еще срок нужен, ты же про него все знаешь? Не роман ведь, где думать надо! Тут всего делов-то: записать известные вещи! Разговоров больше.

– Так давайте я вам продиктую, а вы запишите... – обозлилась я.

– Если это шутка, то глупая... Мы хотели твоей книгой серию открывать... Но если отказываешься, я уже заказал про Джуну, про Блаватскую, Нострадамуса...

– Что? Про кого? – с тоской переспросила я и буквально лишилась дара речи.

Опустив голову, представила, как приду домой, позвоню вчерашним знакомым и скажу... Что я им скажу? Они – не писатели и совершенно не в курсе того, «из какого сора растут стихи» и книги, писательская кухня им незнакома; они просто не поймут, почему не использовала шанс написать про преподобного Серафима. Но, ужаснулась я, каково будет святому чудотворцу, которому на протяжении жизни двенадцать раз являлась Сама Пресвятая Богородица, оказаться в одной компании с экстрасенсом Джуной (в ту пору бывшей на гребне своей славы «ясновидящей целительницы»), теософкой Блаватской, астрологом и алхимиком Нострадамусом... Их заблуждения противны христианству. Пророк – провозвестник воли Божией и в этом смысле прозорливца Серафима Саровского можно, наверно, назвать пророком. Но те-то трое от противника Бога «прорицают». «Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром?»¹ Все смешалось в доме Облонских... Спорить с МихАбром на эту тему бесполезно: это надо с детсадовского возраста разгребать авгиевы конюшни духовных заблуждений советского человека, или, по крайней мере, с октябрят, которые «юных ленинцев отряд».

– Наталья, заснула, что ли? – услышала я.

– Михаил Абрамович, а у вас случайно нет Библии?

¹ 2 Кор. 6: 14–15.

– Настольная книга... – усмехнулся он. – Ты думаешь, я совсем тупой?

– Ну почему... Так не думаю, – я замотала головой.

– А как ты думаешь?

– Я? – он застал меня врасплох.

– А если не думаешь, тогда слушай, что тебе умные люди говорят. Пиши, знай... – МихАбр вытянул на свой мощный живот ящик письменного стола и достал Библию карманного размера. – Ты под стол пешком ходила, а я ее уже из Германии привез, читал на досуге.

– А можно посмотреть?

Взяв в руки книгу в дорогом черном кожаном переплете, я стала рассматривать ее, мучительно стараясь припомнить, в каком месте говорится о прорицателях: Исая? Нет... наверное, Пятикнижие... теплее-теплее... Исход? Левит?

Я листала Библию и молилась: где же, Господи, где? И вдруг книга выскользнула из рук и упала на пол.

– Раззява! – махнул рукой МихАбр. – Давай сюда.

Я наклонилась и осторожно подняла раскрывшуюся книгу. Раскрылась она в нужном месте...

– Вот ответ, вот! – обрадовалась я. – Послушайте! «...Не должен находиться у тебя... прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых; ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это»². Второзаконие...

– Ну и что?

– Это как раз про ваших так называемых «пророков» знахарку-Джуну, Предсказамуса...

– Про Нострадамуса не в курсе, а Джуна – ученый экстрасенс, – перебил он.

– Это по-модному «экстрасенс», а раньше их колдунами называли. И соответственно к ним относились. Церковь категорически запрещает к ним обращаться.

– Джуна Брежнева пользовалась... Вся наша элита около нее крутится. Многих людей исцеляет.

– Если элите нравится с помощью бесовской силы исцеляться – никто препятствовать не может. Хозяин – барин. Здоровье, она, может, на какое-то время и поправляет, только душе вредит, потому что выводит на контакт с нечистой силой. А там уж – как повезет. Психушка – это еще лучший выход. У меня так один знакомый вляпался, теперь на галоперидоле сидит.

– Это бывает у непризнанных писателей, – съязвил МихАбр.

– Нет, он к Кашпировскому ходил.

– То Кашпировский...

– Дык тоже экстрасенс. Как сказано: имя им легион. Люди в Перестройку к вере потянулись, а по своему духовному невежеству веру с суеверием перепутали. Тут шарлатаны разных мастей и подсустились, а вы их в «великие пророки» возводите... Церковь запрещает ходить к экстрасенсам, потому что заботится о духовной безопасности людей. Мы же не возмущаемся, если врач больному не позволяет что-то бесполезное делать.

МихАбр задумался или сделал вид...

– Знаешь... – так же задумчиво произнес он; это могло предвещать всё что угодно, – тебя иногда интересно послушать, не отрицаю. Но мы для другого собрались, понимаешь? Я тебе книгу писать предлагаю. Про русского святого. Вот там можешь постебаться над экстрасенсами. В пределах разумного, конечно!

– Много чести! Джуна – ученый, не смешно? Ее лженаучная деятельность – просто ухочешься: сперматозоиды, видите ли, она оживляет и работает над формулой бессмертия. Воскрешать людей собирается в недалеком будущем. Вам не кажется, что тетя сама психбольная?

² Второзаконие 18: 10–12.

Каким боком вы хотите эту любительницу саморекламы сравнить с преподобным Серафимом, который, смиренно называя себя «убогим», исцелял молитвой тысячи и тысячи людей.

– Вот что! – взревел МихАбр. – Когда ты будешь сидеть на моем месте, а я на твоём, тогда будешь рассуждать, поняла?

Тут меня понесло...

– Помню, вы, Михаил Абрамович, просили меня написать такую книгу, чтобы через нее люди к Богу обратились. А я вам что ответила? Что Библия уже написана, пусть читают. И что если вы миллион книг против Бога напечатаете, из-под такого завала не то что написать, пикнуть невозможно. А теперь к этому миллиону вы хотите еще три книги приложить! Что и требовалось доказать!

– Вон! – заорал МихАбр. – Вон из моего кабинета!

Мне стало даже смешно, эк, бесы встрепенулись: не хотят своих в обиду давать.

– Прощайте! – сказала я, поднявшись со стула.

– Давай-давай! – отмахнулся он и взял телефонную трубку. – Настя, дверь на ключ. Сейчас эта сумасшедшая выйдет... Выдержи ее минут пятнадцать, пусть придет в себя и снова запускаяй...

Когда я вышла в приемную, секретарша покрутила у виска пальцем и сказала:

– Ты как маленькая! Ему же нельзя волноваться...

– Пусть на даче цветы разводит, – отрезала я.

– Что там у вас опять, идейные разногласия? Не надоело тебе?

– Надоело, – согласилась я. – А что делать? Ну как можно колдунью со святым сравнивать? Люди совсем запутаются. Если он хочет, пусть ради прибыли дальше «втирает», а я грех на душу брать не буду, – и направилась к выходу, толкнула дверь.

Дверь была заперта.

– Идиоты! – треснула я по ней кулаком. – Открой, что за идиотские шутки! Все равно не буду...

– Будешь... – вздохнула Настя. – Куда ты денешься! Лучше уж ты напиши, все равно ведь кого-нибудь найдет. У нас много мастеров: что про серафима, что про херувима, что про черта лысого написать.

– Да... – вдруг задумалась я. – Это будет еще хуже, если неверующий возьмется. Такое наплетет...

– Ну! – воскликнула секретарша. – О чем и речь! Кофейку вот хлебни, успокойся: осталось пять минут. Через четверть часа у него новая встреча. Очень ответственная, не порти ему настроение...

– Ясно дело: с солидными людьми ответственная встреча, не то, что со мной, убогой!

– Да ладно, он тебя любит... Когда серию задумали, о тебе первой вспомнил.

– Угу, – усмехнулась я. – Какой еще дурак согласится за месяц книгу написать... да еще про святого. Нет, пойду. Открой дверь. Открой!

– Он меня премии лишит, – отбивалась Настя.

– Твоя премия как два моих гонорара, считай, что мне пожертвовала.

Зачем я стала пререкаться, наверно, чтобы потянуть время.

Господи, что же делать? Батюшка Серафимушка, подскажи, подскажи... Ради тебя ведь копыя ломаю... Бредовая ситуация. Но может, мне это только так кажется? Вдруг зазвонил телефон.

– Здравствуйте, представьтесь, – ответила Настя. – Нет, Михаил Абрамович занят. Звоните завтра.

– Настя, мне срочно надо позвонить... – осенило меня. – Дай телефон.

Я набрала номер своего духовника. Только бы он был дома, нет, наверняка он еще в церкви... Долго никто не подходил. Я уже хотела положить трубку.

- Алё! – на другом конце послышался усталый голос.
- Ой, простите, батюшка, вы отдыхали? Это Наталья...
- Только прилег, с пяти утра на ногах. Что случилось?

– Не знаю, как поступить... – начала я и стала быстро пересказывать свои сомнения по поводу намечавшейся книги: что и название серии сомнительное, и сроки нереальные и вообще, в состоянии ли буду написать ее, это ведь не роман придумать, тут житие святого, не погрешить бы...

Из-за двери выглянуло грозное лицо МихАбра, перепуганная Настя уже протянула руку, чтобы нажать на рычаг телефона:

- Все, хватит... – почти закричала.
- Батюшка, меня сейчас на казнь поведут... – взмолилась я и оттолкнула ее руку. – Что делать?
- Пиши. Господь благословит, – спокойно ответил священник.
- А название серии?

В этот момент МихАбр вышел из кабинета в приемную и взревел:

– Ты кому это тайны наши выдаешь? Иудушка! – и Насте досталось. – А ты что уши развесила?

– Пиши, – подтвердил духовник. – И солнце бо места скверная преходя, не оскверняется. Так и святой среди грешников... За название не ты будешь отвечать, а тот, кто придумал...

Настя таки нажала на рычаг телефона, и в трубке тревожно зазвучали короткие гудки.

– Вон! – директор издательства указал мне на дверь. – Больше ты у нас не работаешь!

– А я вот решила про Серафима Саровского вам написать, – через силу выговорила я, хотя хотелось запустить в него тяжелым папье-маше. – Духовник благословил...

– Обойдемся! Ты пока напишешь, кишки всем выпустишь! Все! – подтвердил он свой приговор. – Не надо! – и ушел в кабинет.

Настя пошла открывать дверь, а мне сделала знак, чтобы подождала...

Раздался телефонный звонок. Она бросилась к трубке:

– Да, Михаил Абрамович... Здесь... Хорошо...

Настя положила трубку и кивнула на дверь кабинета:

– Зовет... Пожалуйста, не противоречь. Через пять минут ему выезжать.

МихАбр торопливо засовывал нужные бумаги в свой портфель. Я остановилась у порога.

– Значит, так, – не глядя на меня, сказал он. – Через месяц на этом столе должна быть рукопись.

– Не успею, – твердо ответила я.

– Сколько тебе надо?

Мои мечты о четырех-пяти месяцах рассеялись как туман. Я вздохнула и тихо произнесла:

– Два...

Он поднял на меня глаза и гнусным голосом сказал:

– Ты меня без ножа зарезала. Серия уже объявлена в продажу. Полтора.

– Я умру... – сопротивлялась я.

– Верить в своего Серафима... вот пусть он тебе и поможет. Заодно и проверим.

– Ваши слова да Богу в уши.

– Уже там, – не задумываясь, парировал он. – Через сорок пять дней жду. Все. Иди.

Договор у Насти, подпиши...

МихАбр с портфелем подмышкой выбежал из кабинета, потом вышла я.

В договоре был пункт, в котором говорилось, что за каждый просроченный день я плачу неустойку. Это уже слишком: настоящий разбой на большой дороге... Но директора уже и след простыл. Встал вопрос, подписывать или не подписывать? Я задумалась и представила, сколько

нервов будет стоять мне спор из-за этого пункта. Лучше уж написать книгу... И я подписала драконовский договор.

Печально переставляя ноги, брела я домой. От той радости, с которой шла в издательство какой-нибудь час назад, не осталось и следа. Опять нежданно-негаданно образовалась тупиковая ситуация: «низы не могут, верхи не хотят». И уже точно известно: революция не поможет. Что делать? Как-то смириться? Хорошо: смирюсь и что дальше? Книга же все равно сама не напишется...

Спешащие куда-то люди раздражали, шум машин на проспекте казался невыносимым, а МихАбру послала я мысленно не одно крепкое слово: наверно, ерзал, бедный, на стуле на важной встрече.

– Сила Божия в немощи совершается, – неожиданно всплыло в сознании, я даже повторила вслух. – Сила Божия в немощи совершается...

Я почувствовала великую правду этих евангельских слов. Если нет человеческих сил, то в благом деле Бог особенно будет помогать. Да и что унывать? Сколько раз уже стояла перед неведомой пропастью, которая страшила и манила – когда МихАбр задавал мне задачки со многими неизвестными: напиши эдак страниц пятьсот – восемьсот повести или романа быстро и хорошо, без подготовки и долгих раздумий... И как-то ведь справлялась... А тут всего двести страниц... за полтора месяца – бр-р-р! И про кого? Про святого чудотворца Серафима Саровского, духовные подвиги которого превосходили всякое человеческое разумение. Ну так если святому угодно, чтобы была написана эта книга, он и поможет. А если нет – хоть целый год пиши, не получится...

Весь вечер звонили знакомые узнать результаты похода в издательство. Поначалу под охи и ахи слушателей в лицах рассказывала я о несчастной судьбе новой книги. Все сочувствовали мне, ругали МихАбра, давали всякие советы, как «поставить его на место», хотя никто не имел реального представления о его могучем характере... В конце концов, мне надоел этот театр, который только рассеивал последние державшиеся в голове мысли, и я перестала отвечать на звонки. Собрав все имевшиеся в наличии книги про преподобного, я села под уютный торшер и... все равно не знала, что делать. Наверно, лучшим вариантом было помолиться и лечь спать. Но кто-то продолжал настойчиво звонить каждые пять – десять минут. И я, наконец, взяла трубку.

– Где тебя носит? – услышала я рассерженный женский голос, который не сразу и узнала.

– А, Томочка... доброй ночи! Как ты? Давно не виделись...

Тамара была одной из подруг молодости. Потом наши пути разошлись. Она продолжала жить в моем родном городе, из которого я уехала. Когда инженерную «шарашку», в которой работала Тома, разогнали, ей пришлось стать «челноком», создавая в перестроечной стране на свой страх и риск товарное изобилие. За товаром она ездила в Польшу: туда на продажу везли изделия из химволокна и нержавеющейки, обратно – обувь, кожу, продукты питания. Иногда, проездом через Москву, Тамара день-два «перекантовывалась» у меня.

О, только не это! Что бы такое придумать, чтобы бывшая подружка сию минуту от меня отстала...

– Слушай, Натаха. У меня дела совсем никудышные, – с таким на ночь глядя признанием Тома снова ворвалась в мою жизнь. – С торговлей... Не буду пудрить тебе мозги, но хоть из «челноков» уходи: конкуренция злющая. И куда мне идти? Дочка третьего ждет, сама не работает, муж мой болеет... Никуда не устроишься, надо лямку дальше тянуть, а сил нет, понимаешь?

– Понимаю... – вздохнула я.

– Сказали, что мне надо Серафиму Саровскому помолиться об удаче в торговых делах. Он ведь считается покровителем торговцев – и простых продавцов, и бизнесменов. Ты у нас все знаешь. Слышала такое?

– Не знаю... – растерялась я, вдруг услышав имя святого старца. Даже как-то не по себе стало: будто сам он мне так быстро какую-то «молнию» подал.

– Нет-нет, мне верные люди сказали. А я верю. Знаешь почему? Он же в Курске родился, как и я. В семье купца, у которого кирпичный завод был. У моего прадеда тоже кирпичный завод до революции был, откуда, думаешь, у меня торговая жилка?

– Надо же, не знала...

– Еще б ты знала! Сама не так давно услышала: мать перед смертью рассказала... А Серафим-то, когда его в миру Прохором звали, это когда он еще не святой был, торговал в лавке брата. Но не понравилось ему это дело, и он ушел в монахи. Так?

– Ну, так, – согласилась я. – И из этого у тебя следует, что святой Серафим – покровитель торговли?

– Конечно, торговля у них хорошо шла.

– Как у тебя все в кучу намешано... Том, давай в другой раз поговорим на эту тему. Двенадцать ночи... Если веришь, что батюшка Серафим тебе поможет, так и молись ему... А вообще я очень рада, что ты к Богу пришла.

– Это тебе не книжечки писать. Поишачь «челноком» три года, хоть в кого поверишь!

Да, к сожалению, «челночество» повлияло на Тому: тон разговора стал каким-то вульгарным и развязным, этого раньше за ней не замечалось; к тому же была она, кажется, выпивши.

– Если «хоть в кого», то Серафиму не дерзай молиться, а то возьмет и вразумит тебя каким-нибудь новым испытанием. Сначала определись, в кого веришь, – с раздражением ответила я.

– Да ладно, Натаха, не кипятись. В Бога верю... И ты у меня одна такая. Я подумала, чё в воздух-то слова бросать, надо в Дивеево смотаться. Там уж с толком и помолиться.

– Воздух, Том, везде один. А так, дело хорошее... смотайся.

– С тобой хочу, я сама там запутаюсь.

– Нет, Том, – отрезала я. – Мотаться у меня нет времени. Именно сегодня подписала договор на книгу о преподобном Серафиме.

– Да ты что!.. – ахнула Тамара. – Чудеса! А ты уже была там?

– Не была. И нет времени побывать. Сорок пять дней дали на книгу – тикает с завтрашнего дня.

– Как же писать, если не была в Дивеево? Придумывать будешь? Враки ведь получатся, – язвительно сказала Тома.

У меня не было ни сил, ни желания спорить с ней, что это не совсем так, даже совсем не так... Тамара не сдавалась, пристала ко мне как банный лист: поедем и поедем. В конце концов, я «сломалась», подумав, а вдруг через нее преподобный старец и меня к себе призывает. Конечно, молитва ко святому на всяком месте хороша, но все же около раки с его мощами особенно живо чувствуется невидимое присутствие и присущая ему благодатная сила Божия³.

В шесть утра к моему подъезду подкатил джип, за рулем была Томина приятельница Валя, которая, воспользовавшись остановкой, стала искать, какую кассету послушать в дороге и поставила Высоцкого.

Вы мне не поверите и просто не поймете —
В космосе страшней, чем даже в тартарском аду.
По пространству времени мы прем на звездолете.
Как с горы на собственном заду.

³ Не зря святитель Иоанн Златоуст говорит: «Вид гробницы святого, проникая в душу, и поражает ее, и возбуждает, и приводит в такое состояние, как будто сам лежащий во гробе молится вместе, стоит пред нами, и мы видим его, и таким образом человек, испытывающий это, исполняется великой ревности и сходит отсюда, сделавшись иным человеком».

Я поморщилась.

– Не нравится Владимир Семенович? – удивилась Валя.

– Смотря по обстоятельствам. Тишины хочется...

– Ну, сказанула... я усну в тишине! Садись на переднее, тоже меня веселить будешь!

Томка сказала, что ты такая начитанная-начитанная.

Мы тронулись в неведомый путь. Мои дамы, прицениваясь к проезжавшим мимо редким еще иномарками, с восторгом обсуждали недавнюю покупку Вали – этот самый вожденный джип, на котором мы ехали. Она заработала его тоже челночными рейсами, но в Китай. Томе, как мне показалось, было завидно. Ей тоже хотелось и джип, и квартиру попросторнее... У Вали характер был пожестче, и желание ее было на порядок выше – открыть свой бизнес.

Пока выезжали из Москвы, я молчала. И хотела молчать всю дорогу. Но как только мы пересекли кольцевую, мои попутчицы заговорили о цели своего путешествия. Дамы, как оказалось, не собирались задерживаться в Дивееве. К ночи им надо было «непрененно» вернуться в Москву – «какие там всемошние»! Они были решительно настроены на чудо, а поездку в монастырь воспринимали как магический акт: приедут, поставят «куда ты нам скажешь по самой большой свече», закажут «обедню за здравие», «поцелуют мощи» и «покровитель торговли» непременно устроит так, как им надо. Вот тут пришлось заговорить. Я постаралась втолковать им, что это совершенно неправильный подход к святине – потребительский: выбралась вот к тебе, чудотворец, деньги привезла, а ты нам – чудо сотвори.

– Святому деньги не нужны, – сказала я. – Это ваша жертва на монастырь, где сестры денно и ночно молятся за мир.

– Натаха! А что же ему надо? – подергала меня сзади за плечо Тома. Голос у нее был охрипший, простуженный.

– Ему надо благое расположение ваших сердец.

– Чего-чего? – закашлялась Тома.

– Жизнь по Божиим заповедям. Покаяние.

– Так, дорогая редакция, значит, зря едем? – отрезала Валя и притормозила джип.

– Да почему же зря! – воскликнула я. – Не вы первые, не вы последние... К батюшке Серафиму в Саровскую пустынь, где он был монахом, в конце жизни приезжало до двух тысяч человек ежедневно. Плюс присылали ему множество писем, в которых просили советов и молитв в какой-нибудь беде. Отец Серафим часто, не распечатывая, знал их содержание и просил писать адресатам ответы. При этом он говорил писцу: «Вот что скажи от убогого Серафима...» После его кончины в келье обнаружили чуть не мешок нераспечатанных писем, авторы которых в свое время получили точные ответы.

– Да ты что!.. Правда? – Валя повернула ко мне изумленное лицо и одновременно поддала газу и ловко обогнала грузовик.

– Ты и лихачка! – вскрикнула я. – Поосторожней...

– Не бойсь! – чихнула сзади Тома. – Валюшка – ас! Ты рассказывай, рассказывай... Отработывай, Натаха, дорогу.

– Вот так вот, – с обидой сказала я. – Может, лучше высадите меня, вдруг не отработаю...

– Да не обращай на нее внимания! – ответила Валя и убавила Высоцкого. – Говори! Что хочешь. Мы – ноль в этом деле.

Трудно было начать, если люди «в этом деле ноль».

– Расскажу вам интересную историю про одного генерала... – начала я, кое-как собравшись с мыслями. – Однажды приехал в Саров заслуженный генерал, который много слышал о Саровской пустыни. И вот, издалека, наверно, с балкона гостиницы, осмотрел он монастырские здания, потом зашел внутрь монастыря, прошелся мимо церквей, увидел келью известного уже на всю Россию старца Серафима, и решил, что любопытство его удовлетворено, пора ехать

дальше. Но тут встретился он с одним знакомым помещиком, который с трудом, но уговорил генерала все же зайти к старцу Серафиму. Вместе они вошли в его дом-келью и увидели полусогнутого батюшку, который как будто знал об их приходе, потому что тотчас вышел навстречу и поклонился генералу в ноги. Полусогнутым на всю жизнь отец Серафим остался от побоев разбойников, которые думали найти в его лесной келье деньги. Ну вот... Помещик вышел в сени, а увешанный орденами генерал около получаса беседовал с монахом. И вдруг из кельи послышался плач: это плакал военный. Вскоре раскрылась дверь, и отец Серафим вывел под руки генерала, который продолжал плакать, закрыв лицо руками. Фуражка и ордена, которые свалились с генерала во время той беседы сами собой, были забыты им у старца. Отец Серафим вынес ордена и тихо сказал: «Это случилось потому, что ты получил их незаслуженно». Впоследствии генерал многим рассказывал, что прошел всю Европу, знал множество людей, но впервые увидел такое смирение, с каким встретил его саровский старец. А о подобной прозорливости даже и не слышал: «убогий Серафим», впервые увидев генерала, рассказал ему обо всех его грехах до тайных подробностей.

– Да ты что!.. – поразилась Валя, которая, не жалея свой джип, гнала его по колдобинам расейской глубинки. – И как это он отгадывал, не пойму?

– Не отгадывал он, – воскликнула я. – Дело это Божье. Бог Всеведущий про любого человека знает все. Он и открывал святому, с чем каждый пришел к нему. А открывал, потому что многими и великими монашескими трудами очистил старец свою душу и мог воспринять Божии внушения. Тебе, например, Высоцкий внушает, ты его любишь, а преподобному Серафиму – Бог, Которого он возлюбил больше всего на свете.

– Да так чё хошь можно объяснить, – откликнулась Тома.

– Конечно! У нас же страна советов: все всё знают... – ответила я. – Только чудотворцами почему-то не становятся.

– А что, он в чем угодно мог помочь? – задала другой вопрос Валя.

– Статистику, как говорится, не наводила. Но правильно будет сказать так: с каким затруднением человек приходил к батюшке Серафиму – в том и получал облегчение. Если хотел узнать, где спрятана украденная лошадь, – он указывал. Если приходил, чтобы разобраться в причинах жизненных неудач, прозорливец открывал эти причины. И если потом человек поступал по советам батюшки, то вся его жизнь постепенно исправлялась и устраивалась. Из тех двух тысяч проходящих к нему многих он просто благословлял, кому-то говорил на пользу несколько слов. Но с особенной любовью принимал тех, в ком прозревал раскаяние в грехах и желание исправиться.

– Что-то мне страшно... не хочу туда ехать, – вдруг сказала Тома и схватила меня за плечо. – Давайте вернемся.

– Не выдумывай! – строго ответила Валя. – А я бы обязательно к Серафиму пошла, жаль, что умер. Подсказал бы, что не так делаю... А то ведь правда не у кого спросить. Я вот ходила ко всяким астрологам, сколько деньжищ угробила. Гороскопов мне насоставляли – и каждый свой рисует... Какому верить?

– Никакому не верь, – ответила я.

– Почему?

– Валя, у тебя какая была профессия?

– Инженер-строитель.

– Значит, мозги есть... Вот и подумай: когда человек верит гороскопам, он доверяет свою судьбу не всеведущему Творцу, а созданным Богом бездушным звездам, которые якобы могут влиять на нашу жизнь. С чего бы это? Вот едем мы в машине, которую человек, покумекав, изобрел и собрал. Машина, что ли, тобой управляет? Нет, ты машиной, как Бог звездами. Это же так просто...

– Да... Просто, если человек действительно верит в Бога.

– Так определись, Валя! И дело с концом...

Валя засмеялась, и бывшая между нами напряженность вдруг исчезла. Тома, наоборот, вжалась в заднее сиденье и застыла, думая о своем. По ее виду чувствовалось, что она заболела. Это было очень некстати – запросто можно было заразиться. И как тогда мне книгу писать с головной болью?

– Когда приедем в Дивеево, ты подойди к серафимовым мошам и все, что волнует, выскажи ему своими словами... – посоветовала я. – И он услышит, как будто ты к живому пришла... Он и есть живой, только живет теперь на Небесах. И помолится за тебя Богу, а Бог рассудит, как тебе помочь... Может, тебе вообще не надо бизнес открывать.

– Как это?! – удивилась Валя.

– Может, тебе бесполезно бизнесом заниматься, бесперспективно, или какие-то неведомые опасные препятствия существуют, Бог знает... – ответила я.

– И что? – повернулась она ко мне с удивленным лицом.

– Да ничего, что-то другое Бог даст.

– Нет, послушай, я же хочу открыть бизнес, в котором разбираюсь, деньги хорошие, перспективы, наоборот, прекрасные...

– Мне кажется, бесполезно просить что-то у старца святого, если ты уже решила. Надо волю-то свою в кулак зажать и как бы с ним советоваться, что тебе дальше делать... Тогда он и управит, именно как надо...

– Да ты что! – задумалась Валя. – А ведь правда... Правда.

– А я все равно хочу джип и квартиру четырехкомнатную, – чихнула на заднем сиденье Тома.

– Ну и хоти, – согласилась я. – Хотеть не вредно. Вон дочка твоя хотела детей, двоих без мужа и родила. Третьего папаши тоже не знаем?

– При чем здесь это! – обиделась Тома.

– При том! Войны нет, а безотцовщина, – ответила Валя.

– Да! Поэтому и квартира нужна, попросить нельзя, что ли? Это ты детей пораспихала по бабкам и: «не хочу быть черной крестьянкой, хочу быть столбовою дворянкой»...

Я молча слушала их пререкания: у каждого своя правда. И неправда. Кто распутает все эти узлы? Только Бог... если они захотят с Ним жить. Потом с полчаса ехали молча, каждый думая о своем, и вдруг Валя сказала мне:

– Расскажи еще чего-нибудь, интересно у тебя получается. Могла бы деньги лопатой гребсти, знаешь, какие бы залы собирала...

– Без труда не вынешь рыбку из пруда, знаешь? – ответила я.

– Языком-то молоть трудно разве, у кого он подвешен? – вставила Тома.

– Смотря для чего подвешен... – усмехнулась я. – Бывает, что и двух слов связать невозможно... Но и в другом убедилась: когда вижу в человеке интерес к познанию Истины, слова как-то сами собой изливаются. Это благодать Божия касается сердца. Ее не купишь и не продашь. Преподобный Серафим удивительные чудеса творил силой Божией, а как был бесребреником, так им и остался. И смирение его было поистине святое. Любому говорил: «Радость моя!», и эта радость передавалась людям. А ты от своих астрологов только в смущение впадаешь, какому гороскопу верить. Потому что они хотят от тебя только денег и зависимости на дальнейшие времена. Ясно?

– Похоже...

За разговорами время быстро летело.

Валя, где только позволяли дороги, гнала так, что мы домчались до Арзамаса часов за пять, ни разу не заблудившись. Проехали сквозь обветшалый бесцветный город, раньше наполненный церквями, а теперь «чапками». Грустное зрелище... такое, скорее всего, встретим мы и в Дивеево, до которого оставалось всего несколько десятков километров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.